

Скандинавское «чудо»

14 июня 1964 года отец вновь в отъезде, теперь уже в Скандинавские страны. Путешествует он теплоходом «Башкирия». Так удобнее. На борту можно вести любые разговоры, не опасаясь подслушивания, разместить независимо от хозяев сопровождающих лиц. Начал отец с Дании, оттуда переехал в Швецию, и завершился визит в Норвегии.

Поездка носила протокольный характер, скандинавы приглашали отца с 1956 года, но визит из года в год откладывался, то события в мире складывались неблагоприятно, то еще что-то мешало. Тянуть дальше стало невозможно, скандинавы обидятся. Отец их обижать не хотел.

То, что он увидел на полях Дании, а потом в Швеции, сразило отца. Местные фермеры на далеко не плодородных, каменистых наделах, под скупым северным солнцем добились того, о чем он только мечтал.

«У меня просто нет слов, чтобы выразить свое удовольствие от знакомства с сельским хозяйством Дании, – диктует отец в 1970 году. – До поездки я читал о сельском хозяйстве Дании, но увиденное меня поразило. Нам показали владения скромного фермера, по нашему кулака. Все у него организовано так, чтобы выстоять в конкуренции с соседями, максимально выгадать. Особенно меня поразили молочный скот. Дания – это огромная молочная ферма. О продуктивности коров у них судят по процентам жирности молока, а не в литрах удоев, как у нас. Мы шли мимо табличек, и у меня перед глазами мелькали цифры: 4,5; 4,7; 5,0; 5,2; 5,2; 5,5 и вдруг 7,0 процентов жирности! Просто мечта. Маленькая страна и делает буквально чудеса. Чудеса для нас, а для других стран – это давно завоеванные позиции и

никакие не чудеса. Мой глаз любителя отменной работы отдыхал на датских посевах. С радостью, однако, соседствовало разочарование. Радость порождалась гордостью за людей с таким успехом возделавших свои поля, а горечь проистекала от воспоминаний о нашем сельском хозяйстве».

А вот что он пишет о Швеции: «Премьер-министр Эрландер сам вел машину, мы ехали на ферму. Ее посещение программой не предусматривалось, и мы нагрянули неожиданно. Фермер, сидя за рулем косилки, убирал люцерну. Я такого способа ранее не видел и никогда не читал о нем. Скошенные растения пропускали через валки. Стебли раздавливались и навивались на растягивающийся следом за машиной бумажный шпагат, безопасный для желудка коровы.

Обычно листья люцерны, самый ценный корм, к моменту высыхания стеблей пересыхают и опадают на землю, теряются, а тут все сохло равномерно, без потерь. У нас таких машин не производили.

Потом фермер показал нам плавающую машину для косьбы камыша, у нас о ней тоже не слышали. Мы купили образец.

Коровы фермера, их высокая продуктивность вызвали у меня зависть. У нас ученых пруд пруди, а животноводческая наука никуда не годится. Даже толковой направленности нет».

Скандинавская поездка повергла отца буквально в шок. У них было чему поучиться, а отец всегда учился прилежно. Как скандинавский опыт преломился бы в грядущих реформах, мы может только гадать, ибо учиться у скандинавов или кого-либо еще у отца времени не оставалось.

Он еще успеет помянуть скандинавское животноводство в своем коротком – его стенограмма уложилась в 22 странички, – выступлении на июльском (11 июля 1964 г.) Пленуме ЦК, вставит несколько абзацев о нем в свою последнюю записку в Президиум ЦК, посвященную специализации. Преемники отца объявят его предложения докучливой болтовней, а саму записку изымут и засекретят.

И еще поразила отца простота, человеческая доступность правителей скандинавских стран. Датского короля он поначалу принял за садовника. Только когда тот уселся в кресло хозяина, отец понял, что этот человек, одетый во френч цвета хаки и есть король. Премьер-министр Швеции Эрландер вез отца на соседнюю ферму, устроившись за рулем малолитражки, а председатель норвежского правительства Герхардсен и вообще приехал на посольский прием на велосипеде.

«Этот транспорт полезнее и экономичнее автомобиля, поскольку лимит на бензин очень строго ограничивает поездки премьер-министра», – объяснял он отцу, вышедшему его проводить.

Под впечатлением от скандинавской поездки отец вновь, теперь уже в последний раз, поднимет вопрос о персональных ЗИЛах и «Волгах».

Отсутствие отца в Москве было на руку заговорщикам. К лету основные учреждения, в которых сосредотачивалась власть, – ЦК (Брежнев с Подгорным) и Совмин (Полянский с Шелепиным), КГБ (Семичастный) по существу перешли под их контроль. Они вызывали к себе секретарей обкомов, рассылали по стране своих гонцов и одновременно дозировали информацию, поступавшую к Хрущеву. Отец же оставался в неведении.